

УДК 821.161.1+82-311.4

**РОМАН В.В. КРЕСТОВСКОГО «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУЩОБЫ» В
ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ КРИТИКИ**

Роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» был неоднозначно принят литературной критикой 60-х годов XIX столетия. Критика признала: «Факт существует, что господин Крестовский стоит теперь во главе русской беллетристики». Но в то же время добавила: «Он вполне герой своего времени. Он обязан этим скандальным свойствам своего пера и своей полицейской эрудиции» [10, с. 70].

Н. С. Лесков называл «Петербургские трущобы» «самым социалистическим романом на русском языке» [17, т. 1, с. 472]. Анонимный критик в журнале «Русский вестник» утверждал, что в них талант писателя «выразился в чрезвычайно искусном развитии интриги, в необыкновенной живости сцен и описаний, в захватывающей увлекательности рассказа, в умении сочетать внешний сказочный интерес с интересом этнографического изучения в области трущобного Петербурга» [1, с. 321]. По мнению Е. А. Соловьева (Андреевича), в этом произведении «дана полная, сравнительно, и поражающая до ужаса картина жизни петербургской нищеты и петербургских вертепов. Здесь впервые явилась она перед читателем оголенной, ничем не прикрашенной, безнадежной и пугающей. Это настоящий дантовский ад, настоящее позорище, ибо большего падения человеческого невозможно себе и представить» [25, с. 453]. Как бы в подтверждение этих слов И. Тригорский в газете «Весть» отмечает, что В. В. Крестовский в романе «Петербургские трущобы» «дал богатое и новое сопоставление сытых и голодных, совершенно неподвзятые» (Цит. по: [16]), а аноним из «Одесского вестника», скрывавшийся под псевдонимом «В. Т.», вторящий ему, вообще назвал роман «хроникой русской скорби и слез»,

«энергичным протестом против таких уродливых явлений, терпимых в XIX веке» [8, с. 3].

Однофамилец Е. А. Соловьева – Н. И. Соловьев в своей статье «Два романиста», напечатанной в 1867 году во «Всемирном труде», дал наиболее объективный, на наш взгляд, анализ романа. По его мнению, главы о тюремной жизни «Петербургских трущоб» «не бледнеют и при сравнении с “Мертвым домом” Достоевского» [25, с. 45]. Критик видел у В. В. Крестовского «веру в свою среду и в свой народ, из которого мы все вышли» [25, с. 66]. При этом, правда, сетовал на большие романтические излишества, в которые впадал писатель, описывая русский быт по образцу французских романов [25, с. 36–38]. Умная, объективная статья Н. И. Соловьева, лучшая в прижизненной критике, к сожалению, погоды не сделала. Как писал В. А. Викторovich, «победили оценки размашистые, безапелляционные, экстремистские, в которых тон задавала радикальная критика» [6, с. 52]. По утверждению уже упомянутого анонима из «Русского вестника», «роман проник и в европейскую публику, появившись в переводах на немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки», и «одна только русская критика встречала роман недоброжелательно и нашлась подарить молодого автора лишь глумлением и бранью» [1, с. 321].

А. М. Скабичевский, например, относил В. В. Крестовского к «писателям, отличающимся полным отрицанием движения 60-х годов, причем к тем, кто отрицание свое основывает на идеях официального патриотизма» [23, с. 344]. Это мнение, которое основывалось на анализе не только и не столько «Петербургских трущоб», но и других произведений писателя, в частности – дилогии «Кровавый пух», на долгие годы стало доминирующим в оценке творчества В. В. Крестовского.

Тут, правда, следует сказать, что современных писателю критиков в «Петербургских трущобах» возмущала, скорее, не реакционность писателя, а некоторая, по их мнению, искусственность обличения. Как писал С. Сычевский, на поставленные в предисловии к роману самим же автором вопросы «в эпопее о половых влечениях, составляющих ровно половину, если не больше, напечатанной

части “Петербургских трущоб”, искать ответы бесполезно», а общие фразы «вроде того, что бездействие, недостаток образования, недостаток религиозного и нравственного чувства – суть причины всего этого, – есть вещь глупая и бесполезная» (Цит. по: [15]). В некоторых критических статьях прямо говорилось о том, что В. В. Крестовский в своем романе «смотрится барчком чистеньким, избалованным», у которого «нет трезвого и серьезного понимания общественных отношений и условий» [20, с. 10].

Иногда идеология пыталась рядиться в одежды литературной критики. А критика, явно оскорбленная «идеологической неправильностью» воззрений писателя, стремилась найти эстетические основания для отрицательной оценки романа.

Первой претензией была претензия к малой художественной ценности романа. Как писала Г. Н. Кудрявцева, «не имея возможности открыто говорить об идее произведения в напряженной обстановке 1865–1867 годов, революционеры-демократы боролись с «почвенническим» романом насмешкой над его художественными достоинствами, стараясь развенчать “Петербургские трущобы”, получившие известность у широкой читающей публики» [15]. Уже в 1865 году В. А. Зайцев, защищая Н. Г. Помяловского от нападок «Отечественных записок», писал: «Еще не было видано, чтоб такого романиста, как Помяловский, печатно унижали в пользу певца лесбийской любви, слабительного и полицейских походов, как Всеволод Крестовский» [9, с. 45]. Неслучайно, в этой связи то, что в 1867 году сначала в газете «Искра», а затем и в отдельном издании, было опубликовано четыре пародии на этот роман. Показательно и то, что издателю «Искры» В. Курочкину, в ответ на запрос цензурного комитета от 15 марта 1867 г., пришлось объяснять, что это «вовсе не иллюстрации к роману г. Крестовского, а пародия на этот роман. Имеется в виду исключительное осмеяние литературных промахов (выделено нами – И. Ш.)» [Цит. по: 15].

Не преминула критика вспомнить и эротические опыты писателя. В. А. Зайцев писал о романе: «Главную же суть рассказов г. Крестовского составляют

скандалезности, из которых некоторые могут смело сравняться с самыми пикантными сюжетами стихотворений того же автора» [9, с. 69].

Парадоксально то, что, высмеивая литературные недостатки романа, критики одновременно беспокоились по поводу его исключительной популярности в среде читающей публики. В опубликованном в «Искре» в 1867 году фельетоне «Литературные итоги за 1866 год» читаем: «Сам Крестовский – положительно герой современной литературы: как орел – царь птиц, как лев – царь зверей, так Вс. Крестовский – царь сочинителей досужих, разумеется. Не говоря уже о целых легионах, полчищах обожателей, ценителей и любителей «трущоб», у г. Крестовского, кроме того, есть еще огромная плеяда, целая школа подражателей, преемников, с усердием подбирающих крохи, падающие со стола сего господина» [17, с. 10]. Правда, несколько позже О. С. Окрейц отмечал в рецензии на другой роман В. В. Крестовского – «Панургово стадо» – низкий уровень культуры читателей «Петербургских трущоб», поскольку этот роман писателя является «громადнейшей из написанных им пошлостей» [19, с. 98].

Голоса в поддержку романа редки, но все же весомы. Такой авторитетный критик XIX столетия, как А. В. Введенский отвергает обвинения критики в том, что роман В. В. Крестовского – «легкое, немного раскованное чтение, интересно написанное беллетристическое произведение». «Петербургские трущобы» представляются ему «огромной, хотя и односторонней картиной, картиной жизни, заглядывающей в самые скрытые углы общественных отношений, рассматриваемых не с точки зрения правовых норм и теоретических и политических воззрений, а с точки зрения грубых страстей, действующих в обществе и порождающих разврат и преступления» [5, с. 743].

Другой претензией литературной критики того времени стали абсолютно необоснованные обвинения в плагиате, выразителем которых был журнал «Сын отечества», приписывавший авторство «Петербургских трущоб» Н. Г. Помяловскому, работавшему перед смертью над романом «Брат и сестра». Как писал в 1913 году А. А. Измайлов, «в “Петербургских трущобах”, романе вообще в высшей степени неровном, с поверхностным, легковесным рассказом о

великосветских интригах, находятся в совершенной дисгармонии густые, сочные, описательные главы. Точно другими чернилами здесь описаны “Ерши», “Малинник”, “Вяземская лавра”, “Спас на Сенной”, “Колтовская”... Тот, кто терпеливо проследил бы язык названных глав, сопоставляя его с обычным языком, стилем, фельетонной манерой рассказа Крестовского, почувствовал бы странную неродственность фразы...». И далее: эти «некоторые, и лучшие главы, – и нетрудно угадать, какие, – только переписаны, может быть, с известной переделкою, не служившей к их улучшению, с рукописей художника гораздо более талантливого, гораздо более зоркого, чуткого и глубокого» [10, с. 6-7].

Показательно, что в 1914 году прошел третейский суд между А. А. Измайловым и сыном В. В. Крестовского – Владимиром, признавший обвинение в плагиате лживым. Об объективности этого суда Ф. Селезнев пишет следующее: «Отметим, что никто из судей не разделял политические взгляды Крестовского-отца. Так, например, в составе суда находился известный историк С. П. Мельгунов, член партии народных социалистов. Однако факты настолько красноречиво противоречили инсинуациям Измайлова, что суд однозначно отверг все доводы последнего» [22].

Это, правда, не помешало А. В. Амфитеатрову, съязвить: «Печать Крестовского ясно лежит на всем романе», но она «наложена очень поверхностно, так сказать, облицовочно, и под нею иногда прозрачно сквозит подслон письма совсем другой манеры, гораздо более сильной, резкой и глубокой... нижний сильнее, и то и дело сквозь мишуру Крестовского сквозит какое-то таинственное, грубое, страшно правдивое тело...» [3, с. 4].

Как свидетельствует Г. Н. Кудрявцева, в деле поиска источника сплетен «Н. С. Лесков указал на Д. Д. Минаева, который будто бы признался ему, «что сплетня распространена им» (Петербургская газета, 1895, № 38; Новости, 1895, № 60), а П. К. Мартыанов обвинил редакцию «Современника» и, в частности, Н. А. Некрасова («Дела и люди века». Т. 8. Спб, 1896.)» [15]. Такая атрибуция источников сплетен неслучайна. Очень четко высказал мнение о связи «теории плагиата» с нечестными методами борьбы «революционных демократов» с писателем И. К. Маркузе:

«Враги Крестовского, в озлоблении, вызванном его романом „Панургово стадо“, выдумали вздорную историю плагиата романа „Петербургские трущобы“» [20, с. 979].

Справедливо в этом отношении мнение, приведенное в послесловии ко второму тому сочинений В. В. Крестовского, о том, что «видна резкая разница в слоге обоих писателей», и «самым важным опровергающим фактом является целый ряд свидетельств» современников [7, с. 421]. В первую очередь – это свидетельство И. К. Маркузе, который стенографировал целые главы романа под диктовку Крестовского, свидетельство М. С. Лескова о посещении В. В. Крестовским притонов Петербурга с целью поиска героев и ситуаций для своего произведения и т.д. (см.: [7, с. 421]).

Кроме того, в пользу аутентичности романа свидетельствуют многочисленные предтексты, написанные и опубликованные еще при жизни Н. Г. Помяловского (в 1863 году). Например, в журнале «Якорь» (№13 от 1 июля 1863 года) в фельетоне самого В. В. Крестовского была опубликована сцена допроса двух мужиков, позднее практически полностью вошедшая в XII главу четвертой части романа («В следственной камере»).

Корректурa «Истории Рамзи», по свидетельству многих критиков – одной из самых сильных частей романа (10 глава 4-й части), обнаружена В. А. Викторовичем в архиве цензурного ведомства в виде рассказа «Рамзя», «подготовленного Крестовским для журнала «Светоч» и запрещенного цензором 9 марта 1862 года» [6, с. 50].

Тот же исследователь убедительно показал, как у родственников Н. Г. Помяловского могла возникнуть мысль о плагиате. «Нет дыма без огня, – пишет ученый, – до родственников Помяловского, выдвинувших эту версию, возможно, дошли сведения о том, что Крестовский купил за гроши какую-то рукопись и использовал ее в романе» [6, с. 57]. Возникла идея, что это «рукопись, то ли украденная, то ли купленная за сорок копеек Крестовским у Помяловского» [6, с. 50]. Однако на самом деле эта рукопись называлась «Дом позора. Панорама без картин и стекол. Тюремные записки арестанта. Записки Г. Суцевского.

Тюремный замок», и была издана в Санкт–Петербурге в 1863 году. На нее ссылается сам В. В. Крестовский в тексте своего романа (см., например: [13, т. 1, с. 418, с. 421–423, с. 467 и под.]). Это был сборник арестантских песен.

Еще одним источником для обвинения в плагиате было то, что одной из героинь как «Петербургских трущоб», так и «Брата и сестры» была женщина с одним и тем же именем – Чуха. Однако, как отмечает тот же В. А. Викторovich, «не исключена и обратная версия, что Помяловский позаимствовал это имя у Крестовского» [6, с. 57], тем более, что, по словам последнего, именно встреча с прототипом этой самой Чухи стала причиной написания романа [13, т. 1, с. 5-6].

Как справедливо указывал И. Г. Ямпольский, «внимательный анализ всех свидетельств и аргументов (в пользу теории плагиата – И. Ш.), а также самих произведений убеждает в несостоятельности этих утверждений. Предположение об использовании В. В. Крестовским кое-каких материалов и набросков Помяловского теоретически допустимо, но в нашем распоряжении нет никаких существенных данных, которые могли бы подтвердить это» [27, с. 222].

Третьим и наиболее «весомым» аргументом, «подкрепляющим» второстепенность творчества В. В. Крестовского, является появившееся еще при жизни писателя обвинение в эпигонстве. Обвинение, которое требует если не опровержения, то хотя бы критической оценки.

Ни у кого из специалистов, конечно же, не вызывает сомнения, что рассматриваемый нами роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» вырос «на скрещении различных жанровых традиций, прежде всего на традиции социально- авантюрного романа, получившего наибольшее развитие во Франции 1830–1840–х годов (Жюль Жанен, Эжен Сю, Поль Феваль)» [23, с. 9]. Не раз высказывалась и мысль о его близости роману Э. Сю «Парижские тайны», о близости столь очевидной, что даже авторы известного сериала не нашли ничего лучшего, как скрестить два названия и назвать его «Петербургские (от В. В. Крестовского) тайны (от Э. Сю)». Д. Клугер писал: «Большое впечатление на общество произвели авантюрные (на деле – детективные) романы Эжена Сю «Парижские тайны», «Агасфер». Один из первых русских романов «с детективным

акцентом» (во всяком случае, первый, заслуживающий внимания) «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского **был написан под прямым влиянием «Парижских тайн»** (выделено нами – И. Ш.)» [12].

Показательны оценки бывшего товарища В. В. Крестовского по кружку братьев Достоевских Д. В. Аверкиева, с желчной иронией назвавшего В. В. Крестовского «грозным карателем пороков города св. Петра», а его книгу – «произведением болотной музыки», «сорной кучей, которую не следует разрывать» [2, с. 5]. Критик указывал на прямое эпигонство в романе, отмечая в «Петербургских трущобах», по крайней мере, в описании быта русского мошеннического притона, множество «позаимствованных» у французского бульварного чтива литературных приемов: «если мудреные выражения мошеннического жаргона и придавали всей картине внешний колорит правды, то французская постройка сцены явно обнаруживала в авторе неспособность уловить местные черты и особенности, которые, вероятно, существуют же. Ибо странно предположить, что петербургские мошенники до того начитались **французских романов, что и жизнь свою устроили по плану этих произведений**» [2, с. 2]. Автора романа он обвинил в «нелепом желании заинтересовать читателя», в стремлении объяснить читателю свои намерения в предисловии к первой части книги. Критику не понравился и тот факт, что В. В. Крестовский «не потому начал писать роман, что у него накопились материалы, но потому начал собирать материалы, что ему вздумалось писать роман» [2, с. 4]. Подобного рода упреки, не подкрепленные сколько-нибудь убедительными аргументами, представляются современному читателю «образчиками травоядной критики».

Анализируя влияние Э. Сю на творчество В. В. Крестовского, мы определились во мнении, что это было не слепое подражание и копирование, а добротная беллетристика, которая содержит в себе начала оригинальности и новизны. Опираясь на художественные традиции Э. Сю, В. В. Крестовский сумел избежать эпигонства и реализовал «установку на преемственность без подражательности» [26, с. 168]. Г. Н. Кудрявцева утверждает, что «ориентируясь на Сю, В. Крестовский создает занимательную авантюрную интригу, чтобы тем

самым приблизить дорогие ему идеи «почвенничества» к читательским массам» [14, с. 9]. Другими словами, Э. Сю был необходим ему не как «источник вдохновенья», а как образец тщательно выстроенной занимательной интриги, чья техника позволяла российскому литератору более доходчиво донести свои идеи до читателей. Нужно отметить и то, что во второй половине XIX века писатели вообще «стремились в своих романах сочетать изображение картин социального «дна» с чисто авантюрной занимательностью («сказочностью», по характеристике Белинского)» [11, с. 216], и поэтому считать это находкой только лишь Э. Сю не представляется справедливым. Внимание к проблемам социального дна, облеченное в занимательный сюжет, – это не то, что В. В. Крестовский позаимствовал исключительно у французского писателя, а то, что характеризовало «литературную моду» его времени.

В заключение отметим, что полярность оценок свидетельствует о том, что роман, несмотря на все свои недостатки, все же стал значительным событием в истории русской литературы. Как справедливо высказался Ф. Берг в некрологе на смерть В. В. Крестовского, «несмотря на все, что писалось против произведения, роман «Петербургские трущобы» должен быть признан выдающимся романом по его общественному и художественному значению как изображение результата распущенности у нас воспитания семейного и нравственного» [4, с. 442]. Для нас важно другое – то, что, несмотря на отсутствие серьезных исследований романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», время показало, что «масса читающей публики (как бы свысока ни относились мы к ней) обладает известным чутьем, с помощью которого всегда умеет отличить талант от бездарности» [1, с. 321]. И роман В. В. Крестовского, который действительно трудно отнести к мировым шедеврам, все-таки продолжает жить в читателе и поныне, а это свидетельство того, что читающая публика не видит в нем той фальши и той реакционности, которую обнаруживали упомянутые выше критики и литературоведы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые сочинения Всеволода Крестовского // Русский вестник. – 1875. – № 3. – С. 317-342.

2. Аверкиев Д. В. Текущая литература. I. Всякому по плечу / Д. В. Аверкиев // Эпоха. – 1865. – № 2. – Режим доступа : <http://smalt.karelia.ru/~filolog/epokha/1865/teklit.htm>.

3. Амфитеатров А. В. Крестовский, Помяловский, Измайлов / А. В. Амфитеатров // Киевская мысль. – 1914. – № 164. – С. 4.

4. Берг Ф. В. В. Крестовский / А. Берг // Крестовский В. В. Тьма Египетская. Тамара Бендавид. Торжество Ваала. Деда : в 2-ух тт. – М. : Камея, 1993. – Т. 2. – С. 442-445.

5. Введенский А. И. Современные литературные деятели : Всеволод Владимирович Крестовский / А. И. Введенский // Исторический вестник. – 1890. – № 12. – С. 734-754.

6. Викторovich В. А. Всеволод Крестовский : легенды и факты / В. А. Викторovich // Русская литература. – 1990. – № 2. – С. 44-58.

7. Всеволод Владимирович Крестовский : жизнь и творчество // Крестовский В. В. Тьма Египетская. Тамара Бендавид. Торжество Ваала. Деда : в 2-ух тт. – М. : Камея, 1993. – Т. 2. – С. 414-441.

8. В. Т. Заметка о трущобомании / В. Т. // Одесский вестник. – 1870. – 8 октября. – С. 3-4.

9. Зайцев В. А. Библиографический листок / В. А. Зайцев // Русское слово. – 1865. – №7. – С. 56-76.

10. Измайлов А. А. Быль, а не легенда / А. А. Измайлов // Русское слово. – 1913. – № 246. – С. 5-10.

11. История русского романа : в двух томах / [редакционная коллегия: А. С. Бушмин ... et al.]. – М.-Л. : Наука, 1964. – Т. 2. – 644 с. – (Институт русской литературы).

12. Клугер Д. Последняя строка приходит первой / Даниэл Клугер // Клуб любителей детектива. – Режим доступа : <http://detective.kirulya.com/daniel/rifma.htm>.

13. Крестовский В. В. Петербургские трущобы : в 2 т. / В. В. Крестовский. – Т. 1. – М. : АСТ, 2000. – 608 с.; Т. 2. – М. : АСТ, 2000. – 607 с. – (Русская классика).

14. Кудрявцева Г. Н. «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского в литературной борьбе 60-х годов : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Г. Н. Кудрявцева. – М., 1977. – 16 с.

15. Кудрявцева Г. Н. «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского в истории русской критической мысли / Г. Н. Кудрявцева. – Режим доступа : <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-06-1.doc>.

16. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям / Андрей Николаевич Лесков : в 2-ух тт. – М. : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 607 с.

17. Литературные итоги за 1866 год // Искра. – 1867. – № 1. – С. 5-24.

18. Маркузе И. К. Воспоминания о В. В. Крестовском / И. К. Маркузе // Исторический вестник. – 1900. – № 3. – С. 979-1003.

19. Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний / С. С. Окрейц // Исторический вестник. – 1907. – № 3. – С. 414-416.

20. Орангутангов. Важное открытие / Орангутангов // Будильник. – 1865. – № 18. – С. 10.

21. Отрадин М. В. Роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» / М. В. Отрадин // В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. – Л. : Художественная литература, 1990. – С. 3-24.

22. Селезнев Ф. А. Трущобы Всеволода Крестовского / Ф. А. Селезнев // Москва. – 2004. – № 6. – Режим доступа: <http://www.moskvam.ru/2004/06/seleznev.htm>.

23. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы 1848 – 1903 / А. М. Скабичевский. – 5-е издание, исправленное и дополненное. – С.-Пб. : Типография Товарищества Общественная Польза, 1903. – 508 с.

24. Соловьев Е. А. Очерки по истории русской литературы XIX века / Е. А. Соловьев. – Изд. 3-е. – СПб. : Тип. А. Е. Колпинского, 1907. – 566 с.

25. Соловьев Н. И. Два романиста / Н. И. Соловьев // Всемирный труд. – 1867. – № 12. – С. 431-464.

26. Хализев В. Е. Теория литературы / [Учебник]. – 3-е изд., испр. и доп. / В. Е. Хализев. – М. : «Высшая школа», 2002. – 437 с.

27. Ямпольский И. Г. В. В. Крестовский : биографическая справка / И. Г. Ямпольский // Поэты 1860-х годов. – Л. : Советский писатель, 1968. – С. 525-528.

Аннотация

Шишкина И. Е. Роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» в оценках современной ему критики

В статье рассматриваются взгляды критиков конца XIX века на роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы». Автор указывает на полярность оценок романа в то время. Констатируется три претензии к роману и его автору: малая художественная ценность произведения, возможность плагиата, эпигонство.

Ключевые слова: Крестовский, плагиат, роман, ценность, эпигонство.

Summary

Shishkina I. E. The novel «The Slums of St. Petersburg» by V. V. Krestovsky criticized by his contemporaries

In the article the views of critics of the end of the XIX century on the novel «The Slums of St. Petersburg» by V. V. Krestovsky are considered. The author points at the polarity of opinions about the novel existing in that period. The novel is claimed to be of little artistic value while the author is blamed for imitation and possibility of plagiarism.

Key words: Krestovsky, plagiarism, novel, value, imitation.